

Смирнов Александр Платонович

**Золотое сердце: Повесть из
времен Екатерины II**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А46

А46 **Александр Платонович С.**
Золотое сердце: Повесть из времен Екатерины II / Смирнов Александр Платонович – М.:
Книга по Требованию, 2026. – 208 с.

ISBN 978-5-519-74079-1

ISBN 978-5-519-74079-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

всѣ эти слезы собрать, что пролились, благодаря Мясоѣдову, весь этотъ потъ и кровь, что выжалъ онъ у сиротъ и вдовъ, такъ озеро вышло бы, озеро!.. И разлилось бы оно по всей улицѣ, пуще воды весной, и всю ее затопило бы—и этотъ проклятый домъ, это гнѣздо воронье!..

Мрачно, угрюмо выглядывалъ домъ снаружи, но такъ же мрачно глядѣлъ онъ и внутри. Весь нижній этажъ, съ забитыми рѣшетками окнами и запертыми ставнями, былъ занятъ подъ кладовыя; верхній занималъ самъ Мясоѣдовъ съ семьей... А семья у него была огромная!..

Лѣтъ за двадцать назадъ до начала разсказа, въ одинъ дождливый осенній день, ворота отворились, и изъ нихъ выѣхала телѣга. На ней стоялъ простой некрашенный деревянный гробъ, накрытый старенькимъ парчевымъ покровомъ... Кого жъ хоронили это? Работника, что ли, какого-нибудь, приказчика? Нѣтъ, хоронили Анну Петровну, жену Мясоѣдова... Весь вѣкъ прожила она, кроткая, тихая и забитая; весь вѣкъ дрожала передъ грознымъ мужемъ... Но никто никогда не слыхалъ отъ нея ни одной жалобы; никто почти не видалъ ее; развѣ въ церкви у всенощной или ранней обѣдни. Блѣдная и худая, плохо одѣтая, она всю службу простаивала на колѣняхъ и горячо, жарко молилась. Потомъ уходила, и больше никто не встрѣчалъ ее до слѣдующей субботы или воскресенья. Она никогда ни къ кому не ходила въ гости, и къ ней никто не ходилъ. Да и кто бы пошелъ въ этотъ домъ, въ это „гнѣздо воронье“! Всѣ отворачивались отъ него и бѣжали, какъ отъ чумы.

И вотъ прожила весь вѣкъ блѣдная женщина тихо и незамѣтно, не жалуясь, и такъ же тихо и незамѣтно и умерла... И схоронили ее, точно нищую!..

Въ домѣ было не меньше девяти или десяти комнатъ. Но три или четыре изъ нихъ, большія, высокія, мрачныя, съ замѣтной сыростью на стѣнахъ и уставленные прочной дубовой мебелью, почти не отапливались, и въ нихъ никто не жилъ. Въ остальныхъ помѣщались: въ угловой съ окномъ во дворъ, довольно большой и свѣтлой, самъ Мясоѣдовъ. Она служила ему и спальней и кабинетомъ. Въ другой, маленькой, тѣсной, сырой и холодной зимой, и жаркой и душной лѣтомъ, жила единственная дочь Мясоѣдова, Дуня, дѣвушка лѣтъ 35. Наконецъ, въ остальныхъ четырехъ жили четыре брата, съ ихъ женами и дѣтьми. Младшій, Яковъ, съ женой помѣщался въ какой-то каморкѣ, подъ лѣстницей.

Съ утра до вечера въ домѣ царила полная тишина. Только изъ спальни хозяина слышался стукъ костяшекъ на счетахъ да развѣ порой плачь ребенка въ какой-нибудь изъ каморокъ... Но вотъ раздавалось грозное „цыць!“ и эхомъ раскатывалось по пустымъ мрачнымъ комнатамъ. И, точно по волшебству какому, ребенокъ смолкалъ, а мать долго и безуспѣшно уговаривала и утѣшала его!.. Порой, подъ вечеръ, Мясоѣдовъ выходилъ изъ своей спальни и часа по два, по три ходилъ по одной изъ нежилыхъ комнатъ. И звучно раздавались его шаги въ темнотѣ. Свѣчей въ эту пору не зажигали.

— Ты слышишь, Паща?—робко шептала мужу старшая сноха, Таня.

— А? Что?..—поднималъ тотъ голову.

— Ходить опять онъ-то... Быть бурѣ!..

И Таня была права, говоря „ходить опять, быть бурѣ!“ Не позже, какъ завтра утромъ, буря вдругъ разразилась и проносила ураганомъ надъ

домомъ. Мясоѣдовъ и рвалъ и металъ. Могучій голосъ его гремѣлъ по всѣмъ комнатамъ. Онъ топалъ ногами, стучалъ кулакомъ по столу и все, что ему ни попадалось подъ руку, ломалъ, разбивалъ въ куски. Старикъ былъ страшенъ въ эти минуты: глаза его наливались кровью; пѣна выступала на углахъ рта. И все тогда въ домѣ дрожало и трепетало; всѣ прятались по своимъ угламъ, точно клопы по щелямъ. И сохрани Богъ попасться кому-нибудь старику въ эту пору: онъ изобьетъ, изувѣчитъ! Ударомъ могучаго кулака онъ сшибалъ съ ногъ Демьяна дворника, а тотъ былъ чуть не двѣнадцати вершковъ роста. Такъ былъ онъ силенъ! И вся эта буря, весь крикъ поднимались изъ-за чего? Изъ-за лишней охапки дровъ, иной разъ сожженной тѣмъ же Демьяномъ! Старикъ чуть не считалъ полѣнья. Въ концѣ зимы онъ подводилъ итогъ, находилъ, что дровъ вышло много, и поднималъ бурю.

II.

Илья Ѳомичъ и зимой и лѣтомъ вставалъ въ четвертомъ часу утра.

Спальня Мясоѣдова представляла что-то въ родѣ модельной. Огромный кіотъ занималъ весь передній уголъ, и передъ нимъ и ночью и днемъ горѣли, не угасая, лампы. Ихъ огоньки въ красныхъ, зеленыхъ и синихъ стаканчикахъ, дрожа, отражались на богатѣйшихъ окладахъ иконъ,—на золотыхъ и серебряныхъ золоченыхъ ризахъ—и ярко сверкали и переливались всѣми цвѣтами радуги на брильянтахъ, топазахъ и изумрудахъ... Поговаривали, будто большая часть этого Божьяго благословенія попала къ Ильѣ Ѳомичу не по на-

слѣдству отъ дѣдушекъ, бабушекъ и прабабушекъ, а другими путями... за долгъ... Иной разъ случалось, старикъ тяжело ворочался, метался во снѣ: какой-то тяжелый сонъ, должно-быть, давилъ его... Онъ просыпался весь въ поту, вставалъ и долго молился передъ кіотомъ, усердно кладя земные поклоны. Потомъ, точно успокоившись, ложился опять въ постель и засыпалъ, какъ убитый.

Кровать подъ ситцевымъ пологомъ, столикъ и крѣпкій массивный стулъ составляли всю меблировку комнаты. Огромная печь съ лежанкой занимала весь задній уголъ.

Долго сидѣлъ за столикомъ Мясоѣдовъ и, хмуря брови, перебиралъ листы счетныхъ книгъ. Но вотъ онъ слегка поежился: въ комнатѣ становилось свѣжо.

— Эй! — крикнулъ Илья Ѳомичъ, и это „эй“ раскатилось эхомъ по всему дому.

Послышались быстрые шаги, дверь отворилась, и въ спальню вошла блѣдная, худая женщина, съ охапкою дровъ. Она, какъ ребенка, нѣжно и осторожно опустила ихъ на полъ. Черезъ минуту яркій огонь запылалъ въ печкѣ.

— Павла ко мнѣ позвать! — буркнулъ старикъ и опять углубился въ книгу.

Женщина тихо, неслышно вышла и такъ же неслышно затворила за собою дверь.

Вошелъ Павелъ. Это былъ мужчина лѣтъ за сорокъ, повыше средняго роста, широкоплечій, съ кроткимъ и добродушнымъ лицомъ, опушеннымъ темнорусой бородою съ легкой просѣдью. Онъ поклонился въ поясъ отцу и, молча ставъ у порога, ждалъ приказаній.

Илья Ѳомичъ продолжалъ рыться въ книгѣ, не обращая на сына никакого вниманія. Но вотъ онъ поднялъ глаза.

— Волкова, купца, помнишь?—спросилъ онъ, вертя въ рукѣ какой-то листокъ.

— Какъ же, батюшка. Это который въ прошломъ году померъ?

— Ну да. За нимъ оставались деньги — двѣ тысячи триста рублевъ. Получить надо... Возьми!

Павель робко протянулъ руку и кашлянулъ.

— Ну, что тамъ?—нахмурилъ брови старикъ.

— Да вотъ получить, говоришь ты...—замаялся Павелъ.—Двѣ тысячи триста... Большія деньги!.. Откуда ей взять, Марѣ Семеновнѣ? Самъ знаешь: дѣти, пятеро, малъ мала меньше. Больно плохо живутъ!—И онъ легонько вздохнулъ.

— А мнѣ-то какое дѣло!—возвысилъ голосъ старикъ.—Я, что-ль, виноватъ въ томъ, что онъ пропилъ, прогулялъ все?..

— Не съ радости тоже, съ горя пилъ, батюшка,—пробормоталъ Павелъ.—Дѣла плохо пошли, прогорѣлъ онъ...

— Не прогорѣлъ бы, кабы не дуракъ былъ!.. Да ладно, не о чемъ разсуждать!.. — И старикъ опять сдвинулъ брови. — Возьми расписку и получи... сегодня же!..

Павель еще хотѣлъ что-то сказать, но только вздохнулъ и вышелъ изъ комнаты. Въ сѣняхъ онъ встрѣтился съ дѣвушкой, въ черномъ платьѣ и такомъ же платкѣ на головѣ. Это была его сестра, Дуня. Высокая, стройная, худощавая, съ блѣднымъ лицомъ и глубокими темно-голубыми глазами Дуня была когда-то очень хороша собой, и на нее многіе сильно заглядывались. Она и теперь была недурна, но ее только нѣсколько портила сильная худоба. Ея русые волосы были еще густы, но на вискахъ ужъ кой-гдѣ замѣтно просвѣчивали серебристыя нити.

— Ну, что?—спросила она.—Зачѣмъ онъ тебя звалъ, Паша?

— Да вотъ, родная моя...—И Павелъ разсказалъ ей, въ чемъ дѣло.—Бога онъ не боится!—говорилъ онъ.—Ну, что съ нея взять, съ Марѣы Семеновны-то? Двѣ тысячи триста рублей... Ты посуди только... Вѣдь ей и домъ придется продать и все, что въ домѣ. А много ли тамъ чего? Ну, а самой по подоконьямъ итти съ ребятишками...

Дуня слушала молча, и на лицѣ ея вдругъ появилось какое-то страдальческое выраженіе.

— Какъ? Такъ онъ взыскиваетъ этотъ долгъ?—спросила она.

— Да, взыскиваетъ.

Она глубоко вздохнула.

— Господи Боже мой!.. Что жъ теперь дѣлать, Паша?

— Да что... Только вѣдь на тебя надежда!..—И Павелъ любовно заглянулъ ей въ глаза.—Сходи ты къ нему, родная, уговори его!.. Совсѣмъ съ ума спятилъ, старый!..—добавилъ онъ чуть слышнымъ шопотомъ.

Дуня задумалась.

— Попробуй, Дунюшка... Онъ послушаетъ... Любить вѣдь онъ тебя!..

Горькая улыбка пробѣжала по губамъ дѣвушки.

— Ну, хорошо, ступай! Ты къ Марѣѣ Семеновнѣ?

— Да, надо сходить.

— Кланяйся ей отъ меня да скажи, чтобъ не унывала: Богъ милостивъ!

Илья Ѳомичъ только что подвелъ какой-то итогъ и сидѣлъ въ раздумьѣ надъ счетной книгою. Дверь отворилась, и въ комнату вошла Дуня. Онъ поднялъ глаза и вопросительно взглянулъ на дочь.

— Я помѣшала, батюшка?

— Да. Что тебѣ?

— Поговорить бы мнѣ съ тобой надо.

— О чемъ такомъ?—И старикъ сдвинулъ брови.—

Ну, говори, что ли, мнѣ некогда.

— Ты съ Марѣы Семеновны долгъ взыскиваешь?

— А ты ужъ узнала? Сказалъ? Сорока проклятая!.. Ну, взыскиваю...

— Да вѣдь она по міру должна итти, батюшка. Пожалѣй ее! Дѣтокъ ея пожалѣй!..

Брови старика еще больше сдвинулись.

— Чтожъ, подарить мнѣ ей, что ли, эти деньги?— говорилъ онъ.— Двѣ тысячи триста... А?

— Откуда жъ ей взять?

— А мнѣ-то какое дѣло! Домъ есть,—продать можно... Однако постой, Овдотья!..—И въ голосѣ его вдругъ зазвучала грозная нотка.—Ты не въ свое дѣло суешься! Слышишь? Ступай-ка ты по добру, по-здорову, а мнѣ позаняться надо.—И онъ опять взялся за книгу.

Въ глазахъ Дуни мелькнуло отчаяніе. Но, впрочемъ, она не теряла надежды.

— Батюшка... Бога ради!—заговорила она.

— Сказано, не твое дѣло, чего жъ еще!—зарычалъ старикъ.

— Батюшка... да вѣдь этотъ долгъ...

— Ну?

— Онъ, говорятъ, неправильный...

— Что-о?!—И старикъ, грозно сверкнувъ глазами, сжалъ кулаки.

Но Дуня не испугалась. Она все такъ же спокойно стояла противъ отца и смотрѣла ему прямо въ глаза.

— Мнѣ Марѣа Семеновна говорила, — продолжала она, — говорила, что деньги онъ тебѣ неза-

долго до своей смерти отдалъ... Зачѣмъ же ты съ нихъ во второй разъ взыскиваешь?.. Побойся Бога!..

— Да какъ ты смѣешь, поганая!..—И старикъ стукнулъ кулакомъ по столу.—Какъ ты смѣешь?—Онъ задыхался. — Да я изобью тебя! до смерти изобью!—Онъ съ сжатыми кулаками шагнулъ къ дочери. Но Дуня, скрестивъ на груди руки, стояла все такъ же спокойно и неподвижно.

— Ну, что жъ, и бей!—говорила она.—Вѣдь я не сама выдумала...

— И ты ей вѣришь? А? Вѣришь?.. Такъ, стало-быть, твой отецъ... Спасибо, дочка, не ожидалъ! Да что жъ ты молчишь, проклятая? — опять зарычалъ онъ.—Такъ, стало-быть, ты ей больше вѣришь... нищей этой... чертовкѣ... чѣмъ мнѣ... отцу родному?..

Дуня опять подняла глаза и посмотрѣла на него долгимъ, пристальнымъ взглядомъ.

— А ты поклялся бы, батюшка? Икону бы со стѣны снялъ?—спросила она.

Старикъ опѣшилъ.

— Да ты ошалѣла никакъ, Овдотья!—заговорилъ онъ, но теперь ужъ не такъ грозно.—Съ ума сошла!..

— Такъ, стало-быть, она солгала, батюшка?

— Вретъ она, вретъ, проклятая! Денегъ не получалъ я... Слышишь: не получалъ!..

Дуня опять вздохнула, и опять появилось у нея на лицѣ страдальческое выраженіе.

— Ну, ладно, пусть такъ!—говорила она.—А все же, батюшка... Ради Христа... пожалѣй ее!.. По міру вѣдь итти придется!..

— Да мнѣ - то какое дѣло! — опять зарычалъ старикъ.

— Такъ, значитъ, взыщешь?

— Ну да, взыщу, взыщу... Домъ продамъ... все!

— Грѣшно тебѣ будетъ, батюшка... Богъ накажетъ!..

— Овдотья! Уходи вонъ,—худо будетъ!.. Уйди, тебѣ говорятъ, уйди до грѣха!..

Двѣ крупныхъ слезы вдругъ выкатились изъ глазъ дѣвушки и потекли по блѣднымъ, худымъ щекамъ. Она повернулась и молча вышла изъ комнаты. Илья Ѳомичъ злобно поглядѣлъ ей вслѣдъ и погрозилъ кулакомъ.

— Ишь вѣдь волю взяла... проклятая!—прошипѣлъ онъ.—Да ладно, я еще справлюсь съ тобой... Смирю!

III.

Грустный, задумчивый шелъ Павелъ по одной изъ пустынныхъ улицъ. На душѣ у него было тяжело, гадко. Онъ зналъ, въ какой бѣдности, почти нищетѣ, жила эта Марѳа Семеновна съ ребятишками, перебиваясь изо дня въ день... А вѣдь было когда-то время,—Волковъ тоже, какъ Мясоѣдовъ, торговалъ хлѣбомъ. Вдругъ счастье измѣнило ему, онъ потерялъ сразу въ одинъ годъ значительный капиталъ и заскучалъ, затосковалъ страшно. Не бравшій прежде ни капли хмельного въ ротъ, Андрей Сидорычъ теперь не выдержалъ и сталъ попивать все чаще и чаще. Торговля падала день ото дня, и довольство въ чистенькомъ свѣтломъ домѣ смѣнилось чуть не нуждой.

Но вотъ Волковъ вдругъ точно одумался и пересталъ пить. Онъ снова принялся за заброшенные давно дѣла, но ихъ ужъ мудро было поправить. Прошелъ еще годъ; торговля шла изъ